

В. Г. СИРОМАХА¹

ЯЗЫКОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ РОССИЙСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ НАЧАЛА XIX ВЕКА

В статье рассматриваются языковые взгляды российских консерваторов начала XIX века, отмечается, в частности, различие идеологических позиций участников известной дискуссии о «старом и новом слоге». Для языковых воззрений российских консерваторов этого времени были характерны галлофобия и пуризм. В статье подчёркнута связь консерватизма и национализма, широкое использование консерваторами патриотической риторики, затронута деятельность «православной дружины» против перевода Библии на русский язык в 20-е гг. XIX века.

Ключевые слова: консерватизм, либерализм, галлофобия, патриотическая риторика, национализм.

Консерватизм как одно из заметных течений общественно-политической мысли в России на протяжении более двух веков нашей истории привлекает внимание современных исследователей хотя бы в силу особой актуальности его в наше время.

Изучению консерватизма посвящено немало число научных исследований, созданы энциклопедия и хрестоматия российского консерватизма, однако его языковой аспект принадлежит к числу мало изученных. Между тем общественно-политические воззрения российских консерваторов начала XIX в., времени собственно возникновения и формирования российского консерватизма как такового, во многих случаях находятся в тесной связи с их языковыми взглядами и в известной мере определяются ими.

Ричард Пайпс в своём исследовании русского консерватизма пишет, что именно консерватизм был «господствующим направлением в российской политической мысли на протяжении всей её истории» [26, 17]. Это же отмечает и один из ведущих отечественных исследователей русского консерватизма В. Я. Гросул: «В XIX веке консервативная идеология, несомненно, была в России господствующей не только в правящих верхах, но и в обществе» [9, 13]. К числу других течений общественной мысли, представленных в России, относят также либерализм и радикализм. Преимущественным вниманием в

¹ Виталий Григорьевич Сиромеха – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); [siromaha_v@mail.ru](mailto:siro Maha_v@mail.ru)

недавнее советское время по понятным причинам пользовался радикализм (Радищев, декабристы, Герцен, Чернышевский и другие достойные представители революционной идеологии). Либерализм и консерватизм до последнего времени были удостоены меньшего внимания российских исследователей.

Либерализм и консерватизм – две во многом противоположные системы ценностей и политических взглядов. Из этих двух систем вполне однозначно понимается и соответственно определяется либерализм как индивидуалистическая система, в которой абсолютной ценностью наделяется человеческая личность, а ценность государства измеряется исключительно тем, в какой мере оно защищает права и интересы отдельного человека. «Цель всякого политического союза – сохранение естественных и неотъемлемых прав человека», – сказано во второй статье французской «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. [38, 27]. «Суть либерализма в России была совершенно тождественна с сутью западного либерализма», – отмечает В. В. Леонтович [22, 3].

Определить консерватизм значительно сложнее, поскольку политическое содержание консерватизма непостоянно и меняется в зависимости от изменения не только исторического контекста внутри страны, но и условий его функционирования в разных странах. На последнее обращает внимание Р. Пайпс. «Термин “консерватизм”, – пишет он, – имеет разные значения в зависимости от политической культуры страны, ибо именно она определяет, что он стремится сохранить. В Соединённых Штатах, например, консерватизм подразумевает ограничение государства, тогда как в России, наоборот, его расширение» [26, 12]. Не приходится, впрочем, сомневаться в том, что основу консерватизма составляет желание тех или иных социальных групп сохранить, законсервировать существующий политический уклад от серьёзных изменений, исходящих от оппозиционных консерватизму политических сил, т.е. сущность консерватизма заключается в его охранительном характере. «Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой», – писал Александру I в 1811 г. Н. М. Карамзин в своей «Записке о древней и новой России» [20, 68], этом «классическом манифесте русского консерватизма», по определению Р. Пайпса [26, 122]. Если искать наиболее концентрированное выражение сути консерватизма, то, на наш взгляд, его можно видеть в следующем высказывании Карамзина из названного выше сочинения: «Всякая новость в Государственном порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходимости» [20, 58]. «Консерватор – боронитель, сохранитель, охранитель, охранник; кто блюдет настоящий порядок дел, управления... консервативный, охранный, оберегательный», – такое определение консерватизма даёт в своём словаре Вл. Даль [11, 152].

Несколько иное, более позитивное определение консерватизма предлагает А. М. Камчатнов в своём исследовании творчества А. С. Шишкова. «Консерватор – это тот, кто желает сохранить в настоящем и будущем всё то ценное в его глазах, что унаследовано от прошлого», – пишет он [19, 227].

Не получил общего признания термин «архаизм», хотя необходимость в этом, на наш взгляд, существует. Архаистами, как известно, называл А. С. Шишкова и его сторонников Ю. Н. Тынянов [37]. Архаизм – это попытка или желание реконструкции уже утраченного политического уклада либо тех или иных духовных ценностей путем реформирования сложившегося

политического или культурного устройства. Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский называют это явление «утопизмом» [23], а А. М. Камчатнов – «реакционностью»: «Реакционер – это тот, кто хочет вернуть ушедшее прошлое, борется идейно или практически за реставрацию так или иначе ушедших порядков» [19, 227].

Александр I вступал на престол с архаическими обещаниями править «по законам и по сердцу» своей «в Бозе почивающей Августейшей Бабки Императрицы Екатерины Великия... да по ея премудрым намерениям шествуя достигнем вознести Россию на верьх Славы» [27, 583], между тем как в своей реальной политике отдал предпочтение либерализму. Он «был первый и последний монарх на русском престоле, открыто ратовавший за либеральные преобразования» [19, 84]. Другое дело, что эти либеральные устремления ничем значительным не завершились. Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский констатируют «старческое бессилие государственности эпохи Александра I» и характеризуют эпоху его деятельности как «время кабинетных утопий и преобразований на бумаге» [23, 341]. А. Чарторыйский, один из ближайших друзей Александра I, объясняет неуспех предпринятых реформ тем, что проведение либеральных реформ было поручено консервативным чиновникам, которые не понимали их и не хотели их осуществления [39, 98, 100].

Русский консерватизм стал предметом интенсивного научного изучения лишь в постсоветское время (обширная библиография соответствующих исследований содержится в «Энциклопедии русского консерватизма» [32, 614–615]. В центре внимания исследователей находится общественно-политическая проблематика консерватизма. Языковые же аспекты проявления консерватизма, судя по этой библиографии, остались вне поля зрения учёных: собственно лингвистической проблематике русского консерватизма из названного выше обширного списка научных работ посвящены лишь статьи Е. Е. Земсковой [17] и А. В. Прокофьева [28] (анализ последней статьи см.: [19, 215–216]). Идейно-политическое содержание споров о языке между «шишковистами» и «карамзинистами» рассматривается также в небольшом разделе (§ 5 шестой главы) монографии А. Ю. Минакова [25]. Понятно, что языковая проблематика затрагивается также в исследованиях, посвящённых личности и творчеству видных представителей русского консерватизма первой половины XIX в., проявивших себя в сфере художественной, публицистической или филологической деятельности, однако в этих работах не уделяется специального внимания изучению связи языковых и политических воззрений данных деятелей русской культуры этого времени. Между тем такая связь, на наш взгляд, существует и нуждается в своём изучении.

Истоки русского консерватизма Р. Пайпс находит уже в XVI в. [26, 48–69], однако в серьёзную общественную силу, с которой пришлось считаться руководству страны, консерватизм превращается в начале XIX в., когда под давлением общественного мнения император Александр I вынужден был в марте 1812 г. отправить в отставку либерального реформатора М. М. Сперанского (эту отставку Александр I в разговоре с К. В. Нессельроде определил как «жертву общественному мнению» [3, 68]) и назначить на ответственные должности А. С. Шишкова, Ф. В. Ростопчина, М. И. Кутузова, к которым он испытывал личные неприязненные чувства.

Консерватизм начала XIX в. представлен такими общественно значимыми для этого времени фигурами, как Г. Р. Державин, А. С. Шишков, Н. М. Карамзин, Ф. В. Ростопчин, С. Н. Глинка, А. А. Аракчеев и некоторыми другими деятелями того времени (в их число входили и члены императорской семьи: мать Александра I вдовствующая императрица Мария Фёдоровна и его сестра великая княгиня Екатерина Павловна, салоны которых являлись в то время центрами объединения консервативно настроенных дворян). К числу таких центров можно отнести также дворянские клубы и многие московские и петербургские салоны того времени, Российскую академию и литературное общество «Беседа любителей русского слова» (1811–1815 гг.), патронируемых А. С. Шишковым. «“Беседа” была объединением консерваторов, находившихся в оппозиции к либеральному правительству Александра I», – характеризует данное литературное общество М. Г. Альтшуллер [2, 7]. Тожественную оценку «Беседе» даёт и А. Ю. Минаков: «“Беседа” была консервативной по своему составу и идейной направленности и считала главной задачей защиту русских патриархальных устоев, русского языка и литературы от европейских влияний» [32, 61]. Мнение консервативных кругов русского дворянства выражали такие журналы как «Друг просвещения», «Московский зритель», «Русский вестник», «Журнал для милых» и некоторые другие органы печати. «В консервативных журналах осуществлялись нападки на свободомыслие и любые нововведения», – пишет о них В. Я. Гросул [9, 33]. Трудно поэтому согласиться с мнением, высказанным в статье Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского: «Консервативного лагеря мы практически не находим, если не считать совершенно одинокого Карамзина конца 1810–1820-х гг., и либерально-консервативных – на английский манер – Мордвинова и С. М. Воронцова. Никакого общественного лагеря они не составляли» [23, 338].

Консерваторов начала XIX в. объединяет неприятие либерального курса Александра I, защита самодержавия, крепостного права, сословных привилегий и несколько позже (с 20-х гг.) Православия от каких бы то ни было изменений. В первые годы царствования Александра I консерваторы не вступали в открытую полемику с представителями правительственной политики (если не считать немало числа сатирических стихотворений, одно из которых принадлежало Шишкову [см. об этом: 2, 13–23]). «Шишков был в числе первых нападающих», – отмечает М. Г. Альтшуллер [2, 13]. Вся полемика этих лет парадоксальным образом сосредоточилась на проблемах языка.

На странность этой ситуации обращают внимание Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский в статье, посвящённой этой теме: «В период, когда Россия стояла перед сложными и нерешёнными проблемами, касавшимися коренных сторон её общественного и политического быта, когда внутри страны решался вопрос, будут ли произведены хотя бы самые необходимые реформы, способные направить страну в сторону западноевропейского пути развития, или же победят силы, близоруко цепляющиеся за крепостническое status quo, когда за пределами России европейская карта непрерывно перекраивалась, а равнины Европы, казалось, превратились в одно огромное сражение, когда все чувствовали неотвратимую катастрофу столкновения с Наполеоном, – мыслящая часть России была охвачена дискуссией, по сути дела, чисто лингвистического характера» [23, 331].

Авторы статьи исходят из гипотезы о морфолого-эсхатологической модели русской культуры, отвергающей частные эволюционные улучшения и меняющейся через систему взрывов–катастроф. Лингвистическая проблема, пишут они, «будучи включена в систему эсхатологических представлений... отождествлялась с номинацией или переименованием мира, то есть с основными мифологическими категориями, естественно становясь вопросом вопросов. Не столько цензурные затруднения, мешавшие обсуждать другие вопросы, сколько самая сущность традиционной ориентации русской культуры делали спор по вопросам языка средоточием общественных интересов и индикатором в распределении лагерей» [23, 337].

Согласно этой точке зрения, к примеру, предпринятый Павлом I запрет на употребление некоторых политических терминов связывается «в полном согласии с эсхатологической мифологией» с «актом разрушения – созидания» и стремлением Павла I «создать канон русской политической лексики» [23, 335]. Если оценивать этот факт с другой точки зрения, то можно сказать, что запрет Павлом I употребления таких слов, как *гражданин, отечество, революция, общество* и некоторых других [см. об этом: 5, 193–194] – это проявление давнего на Руси неконвенционального (нерасчленённого) восприятия языкового знака (языка – в целом) и это попытка запретом употребления нежелательных слов устранить проникновение разрушительных для русского самодержавия идей Французской революции, в страхе перед которой дворянская Россия пребывала с конца XVIII века. К этому времени относятся и запрещение Екатериной II изучения в российских духовных училищах французского языка «как проводника развратных мнений» [33, 84]. Это же отношение к французскому языку было усвоено и консерваторами начала XIX в. «Какое несчастье, что Петр Первый нас обрил, а Шувалов заставил говорить нечестивым этим французским языком», – писал Ростопчин в одном из своих писем этого времени [35, 58]. Вполне определённую характеристику даёт французскому языку и автор сочинения, напечатанного в Москве в 1817 г.: «Он сделался безбожен и стал распространять безбожие; он стал первым действующим оружием повсюдного головокружения и необычайно злых замыслов, от века неслыханных. Одним словом, по якобинцам, он сделался совсем диаволическим адским языком. Он очаровал сперва повсюду знатность, а потом и прочих в уме перепортил» [5, 195].

Тем не менее в начале XIX в. галломания достигла в российской дворянской среде максимальных размеров. М. А. Дмитриев пишет в своих воспоминаниях об этом времени: «Что до французов привязанность наша к ним и к их языку была что-то непостижимое! Довольно было хорошо говорить по-французски, чтобы быть приняту в лучших домах, но никакое просвещение, никакой ум без французского языка никогда не давали почётно места в гостиной. Сколько ни восставали, сколько ни писали против галломанов и пристрастия к французскому языку и Шишков, и С. Н. Глинка, и Крылов в своих двух комедиях, и, наконец, граф Ростопчин: ничто не помогало! – Вывески в Москве все были французские; разговаривали в гостиных по-французски! Не было порядочного дворянского дома, даже по деревням, где бы не было французского учителя; французские эмигранты принимались без разбору, как люди высшего образования; в богатейших русских домах учили и наставляли детей французские аббаты! Это была язва, которая, казалось, привилась и

сделалась натурой нашего общества!» [12, 102]. Примечательно, что в этом свидетельстве М. А. Дмитриева в числе борцов с галломанией находятся исключительно представители консервативной партии. Действительно, неприятие галломании в целом и галлицизмов в русском языке, в частности, было характерной особенностью консерваторов начала XIX в.

Что касается полемики о языке в начале XIX в., то она не сводилась к обсуждению чисто литературных и языковых проблем. За ней отчётливо просматривается общественно-политическая проблематика того времени и различие идеологических позиций спорящих сторон. «Собственно в истории языка вся эта знаменитая полемика не имела почти никакого значения. Интерес её не лингвистический, а гораздо более широкий, мировоззренческий», – обращал внимание на этот аспект споров о языке начала XIX в. Г. О. Винокур [6, 93]. За этой полемикой угадываются последующие дискуссии об особом (автаркическом) пути России и её непростых отношениях с Западом (Европой). «На начальном этапе большую роль в вызревании русского консерватизма сыграли языковые споры между “шишковистами” и “карамзинистами”», – отмечают авторы «Энциклопедии русского консерватизма» [32, 7]. «В ходе дискуссии... консерваторы “оттачивали” аргументацию против галломании, шире – западничества» [Там же]. Этот аспект споров о языке выделяет и А. Ю. Минаков. «Дискуссия, развязанная Шишковым в его “Рассуждении”, лишь формально носила филологический характер, – пишет он. – Poleмика вокруг “Рассуждения” явилась одним из центральных эпизодов в формировании протославянских умонастроений, была ничуть не менее значимой, чем последующие споры славянофилов и западников, обострив вопрос о возможности выбора “самобытного пути развития России”» [25, 395–396].

В этой дискуссии Ф. В. Ростопчин участия не принимал. Широкою известность ему как общественному деятелю, публицисту принёс его памфлет «Мысли вслух на Красном крыльце», напечатанный в Петербурге и в Москве в 1807 г., в котором автор устами своего героя, ефремовского помещика Силы Андреевича Богатырёва, страстно обрушился на французманию современного ему российского дворянского общества: «Господи помилуй! да будет ли этому конец? долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву, и плюнув, сказать Французу: згинь ты, дьявольское навождение! ступай в ад, или въ свояси, всё равно, только не будь на Руси... Господи помилуй! только и видишь, что молодёжь одетую, обутую по Французски; и словом, делом и помышлением Французскую. Отечество их на Кузнецком мосту, а Царство небесное Париж. Родителей не уважают, стариков презирают, и быв ничто, хотят быть все» [34, 8, 10]. «Нелюбовь к французам была, можно сказать, вдохновением Ростопчина: почти все его произведения проникнуты и вызваны ею», – замечает Н. С. Тихонравов в своей статье, посвящённой анализу литературного творчества Ростопчина [35, 64].

Этот памфлет Ростопчина был впервые напечатан в Петербурге Шишковым, полностью разделявшим общественную позицию автора «Мыслей вслух» (что не помешало Ростопчину выразить Шишкову своё недовольство самовольным изданием его сочинения: Ростопчина не устроили некоторые изменения, внесённые Шишковым в текст «Мыслей вслух», а также «примечание» Шишкова о некоторой «жоскости» выражений Силы Андреевича).

Сам Шишков ещё в 1803 г. в своём «Рассуждении о старом и новом слоге», положившем начало известной дискуссии, увидел корень зла современного ему дворянского общества в неправильном, иноязычном воспитании дворянских детей, в общем раболепном преклонении перед Францией: «Начало оного происходит от образа воспитания: ибо какое знание можем мы иметь в природном языке своём, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у Французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что не токмо в языке своём никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оного, но ещё многие из них сим постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством, хвастают и величаются?» [40, 73]. Такое воспитание, подчёркивает Шишков, ведёт к духовному рабству и утрате собственного достоинства, то есть к утрате национальной идентичности: «Народ, который всё перенимает у другого народа, его воспитанию, его одежде, его обычаям последует; такой народ уничижает себя и теряет собственное своё достоинство; он не смеет быть господином, он рабствует, он носит оковы его, и оковы тем крепчайшие, что не гнушается ими, но почитает их своим украшением» [40, 187]. «Один Шишков видел, за долго до нашествия врагов, что под этим скрывается пристрастие не к одному языку, а ко всему чужому; что, и посредством языка, Франция, так сказать, налагала на нас безотчётное покорство самому образу мыслей чужаго народа», — заметил М. А. Дмитриев [13, 76].

В одной книге, изданной во Франции в 1811 г., было написано о молодом русском дворянине: «Он француз, хотя родился миль за тысячу от Парижа, имеет отца и мать русскую и принадлежит к православной церкви» [15, 105].

Эта опасность была замечена и российским правительством. В том же 1811 г. министр народного просвещения граф А. К. Разумовский подал Александру I записку, в которой писал: «Дворянство, подпора государства, возрастает нередко под надзором людей, презирающих всё не-иностранное, не имеющих ни чистых правил нравственности, ни познаний. Следуя дворянству, и другия состояния готовят медленную пагубу обществу воспитанием детей своих в руках иностранцев... Содержатели пансионеров внушают юным россиянам презрение к языку нашему и охлаждают сердца их ко всему домашнему, и в недрах России из Россиянина образуют иностранца» [7, 8].

Шишков при разговоре с Александром I осмелился упрекнуть его в потворстве галломании, охватившей русское общество в годы его царствования. Начало же этого «зла», по мнению Шишкова, идёт от Петра I: «Он вместе с полезными искусствами и науками, допустил войти мелочным подражанием, поколебавшим коренные обычаи и нравы. Прочие цари не останавливали сего рождающегося в нас пристрастия ко всему чужеземному, а особенно французскому. Великая Екатерина, бабка ваша, напоследок почувствовала сие и старалась обращать нас к отечественным доблестям, но то уже было поздно и требовало немалых и долговременных усилий», — заявил Шишков царю [40, 485]. Александр, по словам Шишкова, вынужден был признать свою вину в этом: «Я заслуживаю укоризны» [Там же].

В результате такого воспитания действительно появлялись люди, готовые во время войны с Наполеоном перейти к нему на службу, о чём свидетель-

ствует Ф. Ф. Вигель в своих «Записках», рассказывая о двух пензенских помещиках: «Оба они в Пензе щеголяли французским диалектом; это, вероятно, дало им надежду, что Наполеон, покорив Россию, назначит их, прапорщика и титулярного советника, префектами в завоёванной им провинции» [4, 660]. «Общечеловеческая культура, приносимая иноземным влиянием, воспринималась так, что не просветляла, а потемняла понимание родной действительности: непонимание её сменялось равнодушием к ней, продолжалось пренебрежением, завершалось ненавистью и презрением. Люди считали несчастьем быть русскими», – писал В. О. Ключевский [21, 373].

В числе оппонентов борцам с галломанией оказался, как ни странно, М. И. Кутузов, который в разговоре с Шишковым, по словам последнего, «хотел меня уверить, что если мы бросим французский язык, перестанем отдавать детей наших на воспитание им и прогоним от себя театральные французские зрелища, то впадём в прежнюю неуклюжесть и невежество» [40, 499]. Шишков в своих «Воспоминаниях» рассказывает далее, как Кутузов в разговоре с Александром I хвалил «всё французское». Всё это глубоко возмущало Шишкова: «Мы таким образом мыслей презираем или по крайней мере уничижаем себя и народ свой. Платим за науку одеваться и кланяться по-французски не токмо деньгами, но даже правами и народной гордостью, без которой истинной любви к отечеству быть не может. Мы почитаем обезьянство сие нужною для светской жизни образованностью и просвещением», – пишет он [40, 500]. Основным же оппонентом галлофобов оказалось само дворянское общество, вернувшееся к своим французским привычкам уже вскоре после окончания войны 1812 г. В апреле 1813 г. Ростопчин в одном из своих писем вынужден был с сожалением констатировать: «Нехорошо то, что мы, русские, не можем жить без французов и их языка. Во всех домах по губерниям пленные, и все в должности учителей» [14, 451].

Шишков, в соответствии со своей философией языка, которую А. М. Камчатнов определяет как «антиноминалистическую и реалистическую» [18, 443], категорически возражает также против заимствований из иностранных языков (из французского языка – в первую очередь: «борьба против иноязычного влияния на определённом этапе фактически сводится к борьбе с галлицизмами», – отмечают в своей статье Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский [23, 375]); Ф. Ф. Вигель, упоминая сочинение Шишкова, выделяет в нём именно борьбу с галлицизмами: «Издали он памфлет под названием “О старом и новом русском слоге”, где сильно и довольно грубо напал на галлицизмы» [4, 267], усматривая в этом порчу русского языка, в результате чего, предупреждал Шишков, «доведём язык свой до совершенного упадка» [41, 93]. Упадок языка связывается Шишковым во многом именно с заимствованиями, «которые вытесняют исконные слова и разрывают родственные их связи. Именно здесь лежит причина острой неприязни Шишкова к заимствованиям, к воспитанию русских дворян иностранцами», – отмечает А. М. Камчатнов [19, 97].

Критическое отношение к влиянию «чужих» языков на русский разделяли в то время многие представители консервативной партии. В ходу у них было употребление выражения «зараза чужезычия». Его употребляет сторонник Шишкова Е. И. Станевич («консервативный филолог», по определению В. В. Виноградова [5, 162]) в своём «Рассуждении о русском языке», напечатанном в 1808 г.: «Когда же повреждение языка бывает от изучения языков

иностранных, тогда всякое исправление тем труднее, чем долее продлится сия зараза чужезычия» [18, 92, также – 90]. Это же выражение использует и С. Н. Глинка в своей статье «Замечания о языке Славянском и о русском или светском наречии», напечатанной в возглавляемом им журнале «Русский вестник» в 1811 г. (№ 7): «зараза чужезычия» (с. 79). «Обольстя слух наш чужезычием, теряем разборчивость в отечественном нашем слове», – выражает свою тревогу автор статьи (с. 78). «Зараза чужезычия» коснулась, по мнению Глинки, не только русского, но и церковнославянского языка: «Русский слог затмили чужезычием, в язык славянский начали вносить речи, величину ему несвойственные» (с. 70). «Заразой» называет чужезычие и Ростопчин: «Хотя я имел и сам человек с десятков заморских учителей, зевал на чужой земле и говорю на нескольких иностранных языках, но со всем тем Бог охранил меня от заразы. И я узнал свою отчизну, помня примеры предков, поучения священника Петра, и слова мамы Герасимовны, остался до-сих-пор совершенно Русским» [35, 62]. «Безрассудная привычка наша к употреблению чужестранных слов и речей» именуется Шишковым также как «зараза». «Когда Ломоносов писал сие, тогда зараза оная не была ещё в такой силе», – пишет он в своём «Рассуждении о старом и новом слоге» [40, 188 и 72]. Как несомненное достоинство простого (недворянского) народа рассматривается консерваторами отсутствие в нём иноземного влияния, приверженность его «старине»: «Купцы и крестьяне ещё от иноземства кой-как отбиваются, и сия летучая зараза к ним не пристаёт. Они и до сих пор французов называют немцами, вино их – церковным», – сказано в повести Ф. В. Ростопчина «Ох, французы!» [31, 86]. Отсутствие в народной речи иностранных заимствований – одна из основных причин её высокой оценки консерваторами.

О неприятии заимствований в государственной и военной сфере писал в 1811 г. в своей «Записке о древней и новой России» и Н. М. Карамзин: «Петр уничтожил достоинство бояр: ему надобны были министры, канцлеры, президенты! Вместо древней славной Думы явился Сенат, вместо Приказов – Коллегии, вместо Дьяков – Секретари и прочее. Та же бессмысленная для россиян перемена в воинском чинопочинании: генералы, капитаны, лейтенанты изгнали из нашей рати воевод, сотников, пятидесятников и пр. Честию и достоинством россиян сделалось подражание» [20, 27]. Говоря о царствовании Екатерины II, Карамзин отмечает, что в это время «чужеземцы овладели у нас воспитанием; Двор забыл язык Русский» [20, 40].

Неприятие заимствований из европейских языков, помимо лингвистических и культурологических причин, имеет у консерваторов (в лице Шишкова) и чётко выраженный политический характер: «Следы языка и духа чудовищной французской революции, доселе нам неизвестные, мало по малу, но прибавляя отчасу скорость и успехи свои, начали появляться и в наших книгах. Презрение к вере стало оказываться в презрении к языку славенскому» [40, 5]. «Итак желание некоторых новых писателей сравнить книжный язык с разговорным, то есть сделать его одинаким для всякаго рода писаний, не похоже ли на желание тех новых мудрецов, которые помышляли все состояния людей сделать равными?» – не скрывает прозрачности своего политического намёка Шишков [41, 74]. «Отказ от славянизмов и замена их разговорными и заимствованными элементами всегда рассматривались

Шишковым как отторжение от веры и нравственности и внесение в умы просветительских и революционных идей», – пишет о полемических сочинениях Шишкова А. М. Камчатнов [19, 94]. У оппонентов Шишкова подобного рода обвинения не могли не вызвать возмущения: «Отвечать бранью на учтивую, благонамеренную критику, значит признать себя торжественно не в состоянии отвечать на оную доказательствами: но к суждениям о языке примешивать нравственность и веру», – отвечал Шишкову один из язвительных его критиков, Д. В. Дашков [19, 115]. См. также аналогичное возражение Дашкова [18, 482].

Борьба с галломанией (галлофобия) закономерно сочетается у консерваторов с защитой русского языка, неотъемлемой части национальной самоидентификации. В своей речи «Рассуждение о любви к Отечеству», прочитанной на заседании «Беседы любителей русского слова» в декабре 1811 г., Шишков утверждал, что «вера, воспитание и язык суть самые сильнейшие средства к возбуждению и вкоренению в нас любви к отечеству, которая ведёт к силе, твёрдости, устройству и благополучию» [40, 277]. В этой триаде, в какой-то мере предвосхищающей последующую триаду С. С. Уварова, особое место отводится языку, постоянному предмету размышлений Шишкова: «Язык есть душа народа, зеркало нравов, верный показатель просвещения, неумолчный проповедник дел. Возвышается народ, возвышается язык; благонравен народ, благонравен язык. Где нет в сердцах веры, там нет в языке благолепия. Где нет любви к отечеству, там язык не изъявляет чувств отечественных... Одним словом язык есть мерило ума, души и свойств народных» [40, 275–276]. Эту же мысль развивает Шишков и в речи при открытии «Беседы любителей русского слова» в марте 1811 г.: «Похвально знать чужие языки, но непохвально оставлять для них свой собственный. Мы уже сказали, что язык есть первейшее достоинство человека, следовательно свой язык есть первейшее достоинство народа. Без него нет словесности, нет наук, нет просвещения» [19, 119]. Это отношение к русскому языку разделяли многие представители национально-консервативной партии того времени. Так, о журнале С. Н. Глинки «Русский вестник» в «Энциклопедии русского консерватизма» отмечается, что это «издание разделяло взгляд Шишкова и его последователей на роль национального языка как носителя присущего каждой конкретной нации комплекса нравственных устоев и догм, который усваивается в процессе общения на родном языке» [32, 419].

«Неприятие Шишковым французского языка и культуры носило идейный, консервативно-охранительный характер, было обусловлено стремлением противопоставить просвещенческому проекту собственную, национальную, русско-православную традицию, ядром которой являлся язык», – отмечает А. Ю. Минаков [25, 390]. Язык, таким образом, воспринимается Шишковым и его сторонниками как проявление национального начала, связывается с понятием народа как единого целого, как большой патриархальной семьи во главе с самодержцем. Упоминание народа, апелляция к нему характерны для литературы начала XIX в., что в дальнейшем приводит к разработке идеологии народности, занявшей центральное место в идеологических концепциях разных направлений общественной мысли в России XIX в.

Исследователи видят в этом проявление идей предромантизма и романтизма. «“Архаисты” сделали значительный шаг вперёд в сторону идей романти-

ческого века, положив в основу своих рассуждений народ, нацию как некую автономную и замкнутую в себе субстанцию, не разложимую механически на отдельных индивидов, а являющуюся как бы индивидом высшего порядка. Такое представление имело корни в идеях эпохи предромантизма», – пишет, в частности, Ю. М. Лотман [24, 184].

Б. М. Гаспаров усматривает в языковых воззрениях Шишкова влияние романтизма: «Тезис Шишкова о языке как коллективной памяти народа, отпечатавшейся в историческом прошлом языка – из чего следует тезис о пагубности разрыва с этим прошлым для национального самосознания, – представляет собой квинтэссенцию романтических представлений о языке как воплощении духа народа» [8, 275].

Консерватизм в это время неразрывно связан с нарождающимся национализмом и широко использует патриотическую риторику. «Я люблю всё Русское, и если бы не был Русской, то желал бы быть Русским; ибо я ничего лучше и славней не знаю. Это бриллиант между камнями, лев между зверьми, орёл между птицами», – страстно проповедует Сила Андреевич Богатырёв, герой пьесы Ф. В. Ростопчина «Вести, или Убитый живой», его alter ego [34, 42]. Таким же образом высказывается и другой его литературный герой: «Я не философ, а русский, живу по-русски, думаю по-русски, и если б не родился русским, то сокрушался бы, что не русский» [31, 99]. Начало же этой темы было положено Ростопчиным в его «Мыслях вслух», где Сила Андреевич заявляет: «Чего лучше быть Русским, не стыдно нигде показаться, ходи нос в верх» [34, 11].

«Доколь не возлюбим мы языка своего, обычаев своих, воспитания своего, до тех пор во многих наших науках и художествах будем мы далеко позади других. Надобно жить своим умом, а не чужим», – призывает соотечественников Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге» [40, 218]. Чувство гордости за свою национальную принадлежность разделяли в то время многие представители дворянского общества: «Быть русским или испанцем есть величайшее счастье; хотя бы мне пришлось остаться в одной рубашке, я бы ничем иным быть не желала вопреки всему», – писала в частной переписке М. А. Волкова [1, 59]. А. Чарторыйский называет объединение консервативных противников либеральных новшеств начального периода царствования Александра I «русской национальной партией» [39, 121].

Всё это, несомненно, проявление формирующихся в то время под существенным воздействием событий 1812 г. национальных чувств, непосредственным выражением которых на вербальном уровне явилась патриотическая риторика, наиболее отчётливо проявленная представителями консервативной части русского общества того времени. Следует обратить внимание на то, что, как выразился писатель Ю. М. Поляков в одной из недавних радиопередач, посвящённой российскому консерватизму: «Консерватизм всегда ходит в обнимку с патриотизмом».

Следует в заключение обратить внимание на следующий сюжет, имеющий отношение к рассматриваемой нами теме. Этот сюжет связан с попыткой перевода текста Библии на русский язык, предпринятый в конце 10-х – начале 20-х гг. Библейским обществом, учреждённым в Петербурге в конце 1812 года. Примечательно, что инициаторам перевода Библии церковнославянский язык представляется «маловразумительным наречием» [30, 56]. Президен-

том общества в январе 1813 г. был избран князь А. Н. Голицын, мистик и масон, а в конце этого года членом общества стал Александр I, увлечшийся к этому времени мистико-экуменическими идеями, в результате чего теория христианского экуменизма стала в России в 1812–1824 гг. официальной идеологией. Экуменизм был неприемлем для православных консерваторов, объединившихся для борьбы с этими идеями в «православную дружину» (по определению А. С. Стурдзы). Православную оппозицию составили писатели-консерваторы, сторонники А. С. Шишкова, влиятельные представители православного клира, придворных кругов и ряд высокопоставленных чиновников, среди которых в первую очередь следует назвать А. А. Аракчеева. «Вокруг Аракчеева сплотились самые реакционные элементы как в правительственных кругах, так и в руководстве русской православной церкви», – констатирует М. И. Рижский [30, 174].

Решающую роль в прекращении деятельности Библейского общества сыграло то, что во многом под влиянием революционных событий на Западе в 20-е гг. политические взгляды Александра I приобрели консервативный характер. В результате долгой закулисной борьбы членов «православной дружины» в мае 1824 г. князь Голицын был отстранён от должности министра духовных дел и народного просвещения и от звания президента Библейского общества. Руководство Министерством народного просвещения было поручено Шишкову. Шишков написал Александру I несколько записок, в которых требовал запретить деятельность Библейского общества, и подверг резкой критике попытку перевода Библии на русский язык. «Если язык домашнего воспитания в законе Божиим будет различен с языком служения в церкви, то из сего непременно должны произойти соблазны и расколы, произойти единственно от разделения сих языков, не упоминая уж о том, что переводы сии во многих местах могут быть и неверны, и слабы, и произвольны, следовательно, подадут повод к разным толкам и волнениям умов и страстей», – писал он царю [42, 168]. Указывая на зарубежные связи Библейского общества, Шишков подчёркивал: «Ни один русский не должен быть слепым орудием козней иноземцев» [42, 295].

В апреле 1825 г. деятельность Библейского общества была прекращена, а с ней на долгие годы и перевод Библии на русский язык. Таким образом, церковнославянский язык для православных консерваторов начала XIX в. оставался по-прежнему священным, правильным и чистым языком, с которым связаны православные ценности, в отличие от русского языка, мирского, светского, профанного, в силу чего перевод Библии с церковнославянского на русский представлялся им кощунством и иноземной ересью. «Утвердившаяся таким образом лингвистическая концепция остаётся обязательной для духовной литературы во всё продолжение николаевского царствования, определяя – в плане языка – противопоставление духовной и светской литературы и пользуясь определённой официальной поддержкой», – подводит итог этой борьбы В. М. Живов [16, 467].

Рассматривая языковые споры начала XIX в., А. М. Камчатнов даёт им следующую, на наш взгляд, весьма обоснованную оценку: «На данном этапе полемики языковая проблематика не выделялась из общеидеологических конфликтов эпохи, литературный язык как орудие духовной культуры не отделялся от содержания тех или иных духовных и идейных направлений

русской культуры начала XIX века, однако эта живо ощущаемая современниками связь между языком и выражаемым на этом языке идейным содержанием мешала ему стать универсальным общенародным средством культурного общения. Непосредственная связь языка и идеологии была препятствием для развития русского литературного языка, но эту связь нельзя было разорвать механически, не предложив ничего взамен, то есть не найдя нового принципа употребления языка, однако ни сторонники, ни противники “нового слога” не были ещё способны или готовы к этому: идейные пристрастия этой насыщенной политическими и идеологическими катаклизмами эпохи не позволяли им вывести лингвистическую проблематику за скобки идейных баталий, не позволяли им осознать собственно проблему литературного языка как относительно самостоятельной культурной ценности; его ценность осознавалась лишь в связи с той или иной идеологией, а должна быть осознана вне этой связи» [18, 476].

Тем не менее нам представляется очевидной идеологическая основа языковых дискуссий в России начала XIX в., их связь с общественно-политической проблематикой этой эпохи. Консервативное мировоззрение значительной части дворянского общества периода правления Александра I, по нашему мнению, оказало заметное воздействие на практику использования языка того времени, и без учёта данного фактора история русского литературного языка этого периода будет иметь в некоторой степени неполный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. М., 2001.
2. *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007.
3. Введение в проблематику российского консерватизма. СПб., 2007.
4. *Вигель Ф. Ф.* Записки: в 2 кн. М., 2003.
5. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1938.
6. *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
7. *Галахов А. Д.* Русская патриотическая литература 1805–1812 гг. // Филологические записки. Воронеж, 1867. Вып. 1. С. 1–32.
8. *Гаспаров Б. М.* История без теологии (Заметки о Пушкине и его эпохе) // Новое литературное обозрение. № 59. М., 2003. № 1.
9. *Гросул В. Я.* Зарождение российского политического консерватизма // Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика / Под ред. В. Я. Гросула. М., 2000.
10. *Гросул В. Я.* Общественное мнение в России XIX века. М., 2013.
11. *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1881. Т. 2.
12. *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.
13. *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869.
14. *Дубровин Н. Ф.* Москва и граф Растопчин в 1812 году // Военный сборник. 1863. № 7. С. 99–155; № 8. С. 419–471.
15. *Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006.
16. *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
17. *Земскова Е. Е.* О роли языка в построении национальной утопии: «онемечивание» Камле и «корнеловие» Шишкова // Философский век. Альманах. СПб., 1998. Вып. 12. Российская утопия: от идеального государства к совершенному обществу.

18. *Камчатнов А. М.* История русского литературного языка XI – первая половина XIX века. М., 2005.
19. *Камчатнов А. М.* Русский древослов Александра Шишкова: Лингвистическое наследие А. С. Шишкова в научном и культурном контексте эпохи (в печати).
20. *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914.
21. *Ключевский В. О.* Исторические портреты. М., 1990.
22. *Леонтович В. В.* История либерализма в России 1762–1914. М., 1995.
23. *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры [«Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» – неизвестное сочинение Семёна Боброва] // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. II. Язык и культура.
24. *Лотман Ю. М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002.
25. *Минаков А. Ю.* Русская партия в первой четверти XIX века. М., 2013.
26. *Пайтс Р.* Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры. М., 2008.
27. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXVI.
28. *Прокофьев А. В. А. С. Шишков: языковая утопия российского традиционализма и её истоки* // *Философский век. Альманах.* СПб., 1998. Вып. 5.
29. *Пытин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000.
30. *Рижский М. И.* Русская библия: История переводов библии в России. СПб., 2007.
31. *Ростопчин Ф. В.* Ох, французы! М., 1992.
32. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010.
33. *Снегирев И. М.* Жизнь московского митрополита Платона. М., 1856. Ч. 1–2.
34. Сочинения Растопчина [графа Феодора Васильевича]. СПб., 1853.
35. *Тихонравов Н.* Граф Ф. В. Растопчин и литература в 1812 г. // *Отечественные записки.* СПб., 1854, июль, № 7. Т. XCV. Раздел II. С. 1–70.
36. Толковый словарь живого великорусского языка Вл. Даля. СПб., 1881. Т. 2.
37. *Тынянов Ю.* Архаисты и новаторы. Л., 1929.
38. Французская республика: Конституция и законодательные акты. М., 1989.
39. *Чарторыйский А.* Русский двор в конце XVIII и начале XIX столетия // *Из записок* кн. Адама Чарторыйского 1795–1805. СПб., 1908.
40. *Шишков А. С.* Избранные труды. М., 2010.
41. *Шишков А. С.* Собрание сочинений и переводов. СПб., 1825. Ч. IV.
42. *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изд. Н. Киселёва и Ю. Самарина. Берлин, 1870. Т. 1–2.